

На правах рукописи

Захаров Олег Игоревич

РОССИЙСКИЕ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОРИКИ-
ЭМИГРАНТЫ В США: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ И БЫТОВОЙ АДАП-
ТАЦИИ

Специальность 07.00.02 Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Екатеринбург 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в школе исторических наук факультета гуманитарных наук.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Будницкий Олег Витальевич.

Официальные оппоненты: Вандалковская Маргарита Георгиевна, доктор исторических наук, ФГБУН Институт российской истории РАН, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России»;

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт востоковедения РАН, старший научный сотрудник Отдела истории Востока

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Тверской государственный университет»

Защита состоится 11 октября 2016 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д **212.285.16** на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=258434>.

Автореферат разослан « » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент
Шаманаев Андрей Васильевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Одной из важных проблем российской науки рубежа XX-XXI веков является отток российских ученых за границу, в иностранные университеты и другие научные институции. Как показывает исследование Б. Дубина¹, эта проблема характерна не только для России 1990-х годов. В меньших масштабах эмиграция сохраняется и по сей день. Впервые этот вопрос в широком масштабе возник в результате русской революции, когда из страны было вынуждено эмигрировать большое количество ученых, политических деятелей, деятелей культуры и т.д.

В своей работе мы рассматриваем проблемы бытовой и научной адаптации в США византиниста А.А. Васильева, антиковеда М.И. Ростовцева, русистов Г.В. Вернадского и М.М. Карповича. Столь разнородных на первый взгляд ученых объединяет то, что они получили историческое образование в России, а некоторые из них успели поработать в российских университетах. Российская система образования довольно сильно отличалась от американской системы образования. Также иными были реалии обучения и работы в русских университетах, о чем нередко писали русские историки-эмигранты. Поэтому важен анализ процесса их адаптации в США, какие черты этого нелегкого для них времени были для них общими, какова была индивидуальная специфика.

Это важная и до сих пор слабо изученная часть истории российского зарубежья, ибо обычно исследователи ограничиваются историей эмигрантов, не учитывая особенностей, исторических реалий той страны, в которой они живут. Помещение же истории русских научных деятелей за гра-

¹Дубин Б. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь / Б. Дубин. [Электронный ресурс].- Электрон. дан. – [Б.м., сор. 2008.] URL: <http://www.liberal.ru/articles/5344>, дата обращения: 25.10.2015.

ницей в международный контекст, и изучение социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории» позволяет понять биографические, институциональные и когнитивные проблемы истории науки.

Степень изученности темы

Проблемой истории русской эмиграции с позиций науки в СССР начали заниматься в конце 1960-1970-х гг. В это время писал свою работу В.Т. Пашуто², немного позже появились монографии Л.К. Шкаренкова³. Эти ученые первыми в отечественной историографии дали обзоры известной им зарубежной и советской литературы. Историография начала 1990-х гг. довольно обширна. Немало работ было посвящено политической эмиграции⁴, истории национальных диаспор⁵, истории военной эмиграции⁶, историографии евразийства⁷, научной эмиграции⁸ и т.д. В конце 1990-х -

²Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. 398 с.

³Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987. 272 с.

⁴Белковец Л.П., Белковец С.В. Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов // *НВ: Вопросы права и политики*. 2014. № 4. С.106-169; Гутиева М.А. Белая эмиграция: некоторые аспекты // *Научные труды Горского государственного аграрного университета*. Владикавказ, 1998. С. 56-59; Ершов В.Ф. Российская военно-политическая эмиграция в 1920-1945. М., 2003. 146 с.; Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943 гг.). М., 1997. 157 с.; Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 — начало 1930-х годов). М., 1997. 256 с.

⁵Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб.ст. М., 2001. 329 с.

⁶Домнин И.В. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20-30-е годы) // *Вопросы истории*. 1995. № 7. С.109-120.

⁷Антощенко А.В. «Евразия» или «святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. 392 с.; Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997. 349 с.; Глебов С. Жизнь с имперскими мечтами: Петр Николаевич Савицкий, евразийство и изобретение структуралистской географии // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 299-330; Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи / Пер. с фр. Т.Н. Григорьевой. М., 2004. 257 с.; Рязановский Н. Азия глазами русских // *В раздумьях о России (XIX век)*. М., 1996. С. 387-416; Он же. Возникновение евразийства // *Звезда*. 1995. № 10. С. 29-44; Феррари А. К истории евразийской идеи: взгляд с Запада // *Евразийство: проблемы осмысления*. Уфа, 2002. С. 61-66; Halperin C.J. Russia and the Steppe : George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1985. Bd. 36. P. 55-194.

⁸Борисов В.П. Научное зарубежье России: истоки и формирование // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1993. № 43. С. 29-34; Он же. Утраченный потенциал. Эми-

начале 2000-х годов были подведены первые итоги в изучении Русского зарубежья⁹.

Из всего многообразия научной литературы, вышедшей в 1990-2010-е годы, наиболее интересны для нас исследования, относящиеся к следующим направлениям:

1. Анализ научных трудов историков-эмигрантов.
2. Биографии русских ученых в США.
3. Исследования проблем адаптации отечественных эмигрантов, покинувших Россию после революции 1917 г.

Изучение творчества отдельных историков начинается в 1990-2000-х годах на фоне общего интереса к истории русской эмиграции. Важное значение для нашей темы имеет монография Н.Н. Болховитинова «Русские ученые - эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США»¹⁰, в которой рассмотрены биографии и творчество интересующих нас ученых, но проблемы их адаптации в США затронуты в незначительной степени.

При анализе развития отдельных направлений исторической науки в США важное значение для нас имели работы Р.Ф. Бернса¹¹, Т. Эммонса¹²,

грация деятелей науки и высшей школы Москвы после 1917 г. // Сб. ст. Москва научная. М., 1997. С.416-433; и др.

⁹Беленький И.Л. Русское зарубежье крупным планом: «большие» публикации, фундаментальные исследования и справочные издания последних лет // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX-XX вв.). М., 2004. С. 4–11; Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья. 1920–1930-е гг. // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91-102; История российского зарубежья: проблемы историографии (конец XIX – XX в.) Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 2004 254 с.; Пивовар Е.И. Российское зарубежье XIX – первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. М., 2000. № 3 (121) С. 237-254; Пронин А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 2000. 188 с.

¹⁰Болховитинов Н.Н. Русские ученые - эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.142 с.

¹¹Burnes R.F. Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Cary Coolidge, 1866-1928. Notre Dame, London, 1982. 302 p.; *Ibid.* A History of Russian and East European Studies in the United States. Selected Essays. N.Y., 1994.288 p.

М. Дэвид-Фокса¹³, Г.Л Курбатова¹⁴, посвященные развитию русистики и византиноведения в США.

Что касается изучения биографий и творчества историков, которые рассматриваются в нашем исследовании, то можно выделить следующих. М.И. Ростовцевым, занимались главным образом М. Рейнхольд¹⁵, А. Момильяно¹⁶, Г.У. Бауэрсок¹⁷, Б. Шоу¹⁸, В.Ю. Зуев¹⁹, Э.Д. Фролов²⁰, П.А. Алипов²¹, С.Б. Крих²² и др. Промежуточный итог изучению биографии и творческого наследия Ростовцева был подведен публикацией двух коллективных монографий «Скифский роман»²³ и «Парфянский выстрел»²⁴.

Историческая концепция А.А. Васильева еще не нашла своего исследователя. В советское время его работам было уделено несколько строк в

¹²*Emmons T.* Russia Then and Now in the Pages of the American Historical Review and Elsewhere: A Few Centennial Notes // American Historical Review. 1995. Vol. 100. № 4. P. 1136-1137.

¹³*Дэвид-Фокс М.* Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 5 – 47.

¹⁴*Курбатов Г.Л.* История Византии: историография. Л., 1975. 256 с.

¹⁵*Reinhold M.* Historian of the Classic World: a critique of Rostovtzeff // Science and Society. 1946. No. 10. P. 361-391.

¹⁶*Momigliano A.* Rostovtzeff's Twofold History of the Hellenistic World // Journal of the Roman Studies. 1946. Vol. 63. P. 116-117; *Ibid.* M.I. Rostovtzeff // The Cambridge Journal. 1954. Vol. VII. P. 334–346.

¹⁷*Bowersock G.W.* The Social and Economic History of the Roman Empire by Michael Ivanovich Rostovtzeff // Daedalus. 1974. Vol. 103. № 1. P. 15–23; *Бауэрсок Г.У.* Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хейвенем // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 152 – 162.

¹⁸*Shaw B.D.* Under Russian eyes (Marinus A. Wes. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context; Michel I. Rostovtzeff. Histoire Économique et Social de l'Empire Romain) // Journal of the Roman Studies. 1992. Vol. LXXXII. P. 216-228.

¹⁹*Зуев В.Ю.* Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // Вестник древней истории. 1991. № 1. С. 166 – 176.

²⁰*Фролов Э.Д.* Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1999. № 3. С. 143-165.

²¹*Алипов П.А.* М.И. Ростовцев – историк древнего Рима: доэмигрантский этап научного творчества. Автореф. дисс. на соискание степени к.и.н. М., 2010. 27 с.

²²*Крих С.Б.* Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск, 2006. 253 с.

²³Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. 690 с.

²⁴Парфянский выстрел / под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. 760 с.

общих трудах по развитию исторической мысли²⁵. В 2000-х годах вышло несколько биографических работ - статьи Е.Ю. Басаргиной²⁶, И.В. Куклиной²⁷, Г.М. Бонгард-Левина и И.В. Тункиной²⁸.

Одним из первых, кто занялся изучением идей и биографии Г.В. Вернадского был Ч. Гальперин²⁹. В России наиболее подробно Вернадским занимались Н.Е. Соничева³⁰ и М.Ю. Сорокина³¹. Исследователей интересовала, прежде всего, историческая концепция Вернадского, проблемам его адаптации к непривычной научной и бытовой среде внимание практически не уделялось.

М.М. Карповичу посвящено несколько мемуарных статей, в которых содержатся воспоминания об этом ученом как о человеке, о различных аспектах его многогранной деятельности³². В статьях А. Зейде рассматривается влияние Карповича на развитие русистики в США и его роль в созда-

²⁵Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики 1917-1966. Л., 1968. С. 70-81; Курбатов Г.Л. История Византии: историография. Л., 1975; Очерки истории исторической науки в СССР. Т.3. / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1963. С. 469-547.

²⁶Басаргина Е.Ю. А.А. Васильев и Русский Археологический институт в Константинополе // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. С. 127 – 135.

²⁷Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 313 – 338.

²⁸Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 168–188; *Они же*. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого // Скифский роман ... С. 259-287.

²⁹Halperin C.J. Op. cit.

³⁰Соничева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

³¹Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Природа. 1999. № 2. С. 89-102. Переиздана в 2001г. См. *Она же*. Георгий Вернадский ... // Российская научная эмиграция: двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Е. Захарова. М., 2001. С. 330-347. Также в расширенном виде эта статья размещена на сайте РАН: *Она же*. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» / М.Ю. Сорокина. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б.м., cop. 2015]. URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad1>, (дата обращения: 20.10.2015).

³²Вернадский Г. М.М. Карпович: Памяти друга // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 9-12; Вишняк М. М.М. Карпович - политик // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 15-24; Гуль Р. М.М. Карпович - человек и редактор // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 24-29; Каземзаде Ф. М.М. Карпович. Памяти учителя // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 12-15; Тимашев Н. М.М. Карпович // Новый журнал. 1959. Кн. 60. С. 192-196; Раев М. М.М. Карпович: русский историк в Америке // Новый журнал. 1995. Кн. 200. С. 244-247.

нии журнала «Russian Review»³³, в статье Н.Г.О. Перейры говорится о Карповиче как преподавателе, анализируется его знаменитый курс интеллектуальной истории России³⁴.

Непосредственно проблемой адаптации русских эмигрантов ученые начали заниматься в 1990-е годы. Эту работу вела группа по изучению истории российского зарубежья ИРИ РАН. Всего она выпустила восемь сборников³⁵, посвященных истории русской постреволюционной эмиграции, четыре из которых были посвящены проблемам адаптации.

Адаптации российских историков-эмигрантов посвящены монографии В.Ю. Волошиной³⁶ и М.В. Ковалева³⁷. В них авторы рассматривают научные сообщества русских ученых-эмигрантов в Праге. Наиболее же близка нашему исследованию докторская диссертация Е.В. Петрова³⁸. Однако ее автор ставил перед собой несколько иные задачи: он рассматривал сообщество русских историков в США. Несмотря на очевидные достоинства работы, мы не вполне согласны с некоторыми утверждениями автора, прежде всего с его концепцией о наличии «американского центра исторической науки русской эмиграции»³⁹, который является объектом исследо-

³³Zeide A. Creating a Space of Freedom: Mikhael Mikhailovich Karpovich and Studies of Russian History in the US // *Ab Imperio*. 2007. № 1. С. 241-277; *Idem*. The Russian Review: The Story in History // *Ab Imperio*. 2012. № 4. С. 279-307.

³⁴Перейра Н.Г.О. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 7-23.

³⁵История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX - XX веках: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX - XX веках: Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1997. 173 с.; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX - XX в.): Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1998. 269 с.; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.). Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2006. 344 с.

³⁶Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. 219 с.; *Она же*. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. М., 2013. 448 с.

³⁷Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге. Саратов, 2012. 408 с.

³⁸Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: Дис. ... д-ра исторических наук 07.00.02. М., 2007.

³⁹ Там же. С. 8.

вания. Отдавая должное работе Е.В. Петрова, заметим, что на наш взгляд, в судьбах историков российского происхождения в США было больше индивидуального, чем общего.

Таким образом, несмотря на наличие весьма ценных и полезных работ о российских историках-эмигрантах, процесс научной и бытовой адаптации ведущих российских историков в США в исследовательской литературе затрагивался в незначительной степени или не изучался вовсе.

Объектом нашего исследования является комплекс источников, посвященных истории русской научной эмиграции, а именно истории жизни и деятельности русских постреволюционных ученых-эмигрантов в США. **Предметом** исследования является бытовая адаптация и стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество.

Целью моей работы является выявление стратегий научной интеграции и бытовой адаптации русских историков-эмигрантов в США. Для этого необходимо было решить ряд **задач**:

Во-первых, важно было рассмотреть состояние американской исторической науки на начало XX века, чтобы понимать, что она представляла собой в сравнении с российской исторической наукой того времени. Особое внимание мы уделили именно тем областям знания, в которых специализировались русские историки-эмигранты: антиковедению, византиноведению и русистике.

Во-вторых, мы кратко проанализировали вклад русских историков-эмигрантов в развитие американской науки. Наука развивается в двух областях: производство нового знания и подготовка будущих ученых. Следовательно, мы уделили внимание обеим сторонам этого процесса.

В-третьих, мы проанализировали различные стороны жизни русских ученых в США, проблемы, с которыми они сталкивались. Также неотъемлемой частью нашего исследования являлся анализ их отношения к США,

в особенности к ее академической культуре, чтобы понять, какой стратегии интеграции они придерживались.

В-четвертых, мы рассмотрели вопрос об успешности того или иного ученого с точки зрения построения карьеры и уровня психологического комфорта их жизни в новой стране, и оценили степень их адаптированности.

Поставленные задачи определили структуру работы. Она состоит из введения, трех глав, посвященных, соответственно бытовой адаптации, научной интеграции, а также политическим взглядам и деятельности русских историков-эмигрантов и заключения. В приложении публикуются обнаруженные нами в фонде Вернадского в Бахметевском архиве главы воспоминаний об его жизни в США.

Хронологические рамки исследования совпадают с эмигрантским периодом жизни рассматриваемых ученых. Соответственно, нижняя граница – 1920 год – время прибытия М.И Ростовцева в США, верхняя – дата смерти Г.В. Вернадского - 1973 год.

Теоретическая и методологическая основа исследования

В методологическом отношении данная работа написана в русле социальной истории науки. Такой подход дает нам возможность рассмотреть деятельность русских ученых в США не только в рамках развития их научных идей, но и уделить внимание социальной, культурной, языковой и т.д. среде, в которой оказались эмигранты. В соответствии с этим особое внимание мы уделяли быту ученых.

При этом, говоря об адаптации, мы рассматривали общество как совокупность систем (хозяйственной, политической, культурной и т.д.) вслед за последними социологическими исследованиями.

Адаптация - процесс, во многом связанный с психологическим комфортом. В связи с этим, очень важно обратиться к опыту психологии. Выделяются «объективные и субъективные факторы, влияющие на динамику

социально-психологической адаптации эмигрантов. К числу объективных относятся: а) страна въезда; б) язык; в) уровень правовой и экономической защищенности; г) характер местной культуры»⁴⁰ и т.д.

Источниковая база нашего исследования определена в соответствии с предметом и задачами исследования и включает в себя:

1. Источники личного происхождения:
 - 1.1 Письма;
 - 1.2 Воспоминания;
 - 1.3 Дневники;
2. Научные труды историков-эмигрантов;
3. Публицистические статьи рассматриваемых авторов.

Большинство источников, касающихся профессиональных судеб учёных русской эмиграции, сосредоточено в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В этом архиве содержится важный для нашего исследования личный фонд Г.В. Вернадского⁴¹. Там сохранились материалы о его жизни в России и несколько писем из США.

Ценными источниками по истории эмигрантской исторической науки располагает Архив Российской академии наук, причем как Московский, так и Санкт-Петербургский его филиалы. В Москве в Архиве РАН хранится обширный личный фонд В.И. Вернадского⁴², в котором сохранились письма его сына, Г.В. Вернадского с 1892 по 1941 годы. В этих письмах содержится важная информация о научных планах Г.В. Вернадского, мысли о состоянии исторической науки в американских университетах, бытовые подробности жизни в США, информация о материальном благополучии русского историка и многое другое.

Однако наиболее значительная и наименее изученная часть его архива хранится в США, в Бахметевском архиве Колумбийского университе-

⁴⁰Хрусталева Н.С. Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога // Диаспоры. 1999. № 2-3. С. 281-298.

⁴¹ГАРФ. Ф. 1137 (Г.В. Вернадского).

⁴²АРАН. Ф. 518 (В.И. Вернадского).

та(Нью-Йорк)⁴³. В частности, там собрана его переписка с родителями, сестрой, коллегами и др. Также там есть информация о такой редко попадающей в фокус исследований стороне деятельности Вернадского как его увлечение византистикой. В Бахметевском архиве хранятся черновики его лекций, материалы, связанные с его деятельностью в *Seminarium Kondakovianum*, позже Институте имени Н.П. Кондакова в Праге. Важную информацию содержат дневники⁴⁴ ученого, которые он вел с перерывами с начала 20-х годов. Особенно важны для нас неопубликованные фрагменты его автобиографии, посвященные жизни в США⁴⁵. Часть эпистолярного наследия Вернадского опубликована М.Ю. Сорокиной⁴⁶ и М. Раевым⁴⁷.

В этом же архиве находятся и материалы М.М. Карповича⁴⁸. Это в основном переписка ученого с коллегами как по работе в университете, так и в редакции «Нового журнала». Нами в данной работе будут использоваться его письма М.И. Ростовцеву, П.А. Сорокину, А.А. Васильеву, Г.В. Вернадскому и другим.

Архив М.И. Ростовцева также находится в США и разбросан по нескольким университетам. В России в архивах разных ученых или научных институтов также имеются его письма. Однако существенная часть его эпистолярного наследия, содержащая ценную информацию об особенно-

⁴³ Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее - BAR). George Vernadsky Papers.

⁴⁴BAR. George Vernadsky Papers. Box.103, 104.

⁴⁵BAR. George Vernadsky Papers. Box 98. Memoirs.

⁴⁶Сорокина М.Ю. Письма Г.В. Вернадского родителям: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского // Источник. 1999. № 1. С. 45-56; Она же. Письма В.И. Вернадского Г.В. Вернадскому: «За СССР выявляется лик пострадавшей России»: Письма В.И. Вернадского детям // Природа. 2004. № 1. С. 64-80; Она же. Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 301-342; Она же. Нина Вернадская «Записки обывательницы» // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. Париж; СПб., 2002. С. 629-640; Она же. Нина Вернадская Скорбные дни Рождества 1944–1945 года / «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского // Диаспора. Вып. 6. М.; СПб., 2004. С. 623-635.

⁴⁷ Письма М. Карповича Г. Вернадскому // Новый журнал. 1992. Кн. 188. С. 259-296.

⁴⁸BAR. Karповich Papers.

стях его интеграции в американскую университетскую среду опубликована⁴⁹.

Некоторые архивные материалы А.А. Васильева были опубликованы⁵⁰. Но большинство из них до сих пор не использовались исследователями. Небольшие по объему материалы А.А. Васильева имеются в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, в фондах И.Ю. Крачковского⁵¹, Ф.И. Успенского⁵², С.А. Жебелева⁵³, В.В. Бенешевича⁵⁴ и Н.П. Лихачева⁵⁵. Это письма, которые писались им в разные годы его жизни, в том числе и во время его пребывания в США.

Вторую группу источников составляют научные работы М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, М.М. Карповича и А.А. Васильева. Они позволяют установить успешность их научной работы за границей, а, следовательно, и эффективность их интеграции в американскую науку. Кроме того, они позволяют определить состояние американской исторической науки до появления этих работ, а также выявить степень их влияния на ее дальнейшее развитие.

Важное значение для нашего исследования имеют публицистические статьи, написанные русскими историками-эмигрантами в США. Эти источники помогут глубже понять то, насколько ученые были вовлечены в политическую борьбу в эмиграции, насколько они надеялись на падение советской власти, а также как эта деятельность влияла на их научную работу. Конечно, эти источники полны личных оценок, но они хорошо выяв-

⁴⁹Бонгард-Левин Г.М. Письма М.И. Ростовцева к И.И. Бикерману (1927-1944) // Вестник древней истории. 1995. № 4. С. 180-203; Эпистолярное наследие М.И. Ростовцева // Скифский роман ... С.369-569.

⁵⁰Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 168–188; Куклина И.В. А.А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 313 – 338.

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 1026 (И.Ю. Крачковского). Оп. 3. Д. 110.

⁵² ПФА РАН. Ф. 116 (Ф.И. Успенского). №. Оп. 2. Д. 61.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 729 (С.А. Жебелева). Оп. 2. Д. 18.

⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 192 (В.Н. Бенешевича). Оп. 2. Д. 40.

⁵⁵ ПФА РАН. Ф. 246 (Н.П. Лихачева). Оп.3. Д. 100.

ляют отношение ученых к тому или иному явлению современной им политики.

Новизна работы

В нашей работе впервые системно исследуется научная и бытовая адаптация ведущих российских историков-эмигрантов в США. Работа в значительной степени основана на новых данных, извлеченных нами из различных архивов, которые вводятся в научный оборот. В первую очередь, это материалы Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) и Архива Российской академии наук.

Положения, выносимые на защиту

- Научная и бытовая адаптация российских историков-эмигрантов в США являлись тесно связанными процессами. Завоевание авторитета, установление связей с коллегами проходило не только в стенах университета, критически важным являлось вхождение в университетскую и околоуниверситетскую «культурную среду».

- Научный багаж, с которым российские историки прибыли в США, являлся, как правило, их конкурентным преимуществом. В то же время иногда приверженность стереотипам, усвоенным в российской академической среде, становилась препятствием для успешной или, во всяком случае, быстрой научной карьеры в США (случай Г.В. Вернадского).

- Российские историки в целом успешно интегрировались в американскую академическую среду, причем А.А. Васильев стал одним из основоположников американской византистики, а М.М. Карпович - основателем одной из самых влиятельных школ в американской русистике.

- Степень бытовой интеграции определялась главным образом уровнем владения языком и временем прибытия в США. Однако даже наиболее успешно адаптировавшиеся в американской среде историки-эмигранты сохраняли «русскость» как сознательно культивируемую, так и проявляющуюся в своеобразном симбиозе российской и американской бытовых куль-

тур и практик.

Теоретическая и практическая ценность диссертации

Теоретическая значимость данной работы определяется тем, что автор строит свое исследование на пересечении нескольких дисциплин: социологии производства знания, социология адаптации мигрантов и научного трансфера. При этом уход от традиционного историографического анализа в пользу изучения условий жизни и творчества позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо знакомые сюжеты.

Результаты диссертации были использованы при подготовке и чтении курса «История русской эмиграции» для направления 46.03.01. «История» подготовки бакалавров в Школе исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики».

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации апробированы и опубликованы в качестве тезисов докладов на различных конференциях: XXII международной научной конференции «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» (Москва, 2010); на III Российском культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург 2010); на I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии» (Омск, 2010г.); XXX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург, 2010); на XIX Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 2011); на II Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Древность и средневековье: вопросы истории и историографии» (Омск, 2012), на IV Ежегодной международной конференции Российской ассоциации исследователей высшего образования (Москва, 2013) и на международной конференции «Мир средневековья: проблемы и перспективы исследований» (Омск, 2014).

Структура диссертации соответствует поставленной цели и отражает логику решения ключевых задач научного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, посвященных, соответственно, бытовой адаптации, научной интеграции и политическим взглядам русских историков-эмигрантов, заключения и приложения. В приложении публикуются обнаруженные нами в фонде Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве главы воспоминаний об американском периоде его жизни.

Основное содержание диссертации

Во введении раскрывается актуальность и новизна темы; формулируются цели и задачи работы; определяются объект и предмет, а также характеризуются методы и источники диссертационного исследования. Также автором рассмотрена историография вопроса.

Глава 1: Бытовая адаптация русских ученых-эмигрантов в США

Первая глава делится на семь параграфов. В них речь идет о таких аспектах адаптации как общее отношение США к иммигрантам, жилищные условия, роль семьи, финансовое положение, возможность возвращения в Россию и отношение к новой стране и американцам, культурная жизнь, и т.д.

На основании проведенного анализа, хотелось бы отметить, что проблема бытовой адаптации ученых достаточно сложна для изучения. Во многом это связано с тем, что жизненные траектории русских ученых-эмигрантов в США сильно разнятся. Основной причиной отъезда была правовая незащищенность положения будущих эмигрантов в России после октябрьской революции. Однако США не были самой привлекательной страной для русских ученых. Многие приезжали туда только после того, как не смогли найти достойную работу в Европе по специальности.

До середины 1930-х годов в США отсутствовали организации, которые помогали бы русским иммигрантам обустроиться в новой стране. По-

этому, вновь приезжающие просили совета у коллег, которые смогли раньше них устроиться в США. Основной трудностью, с которой сталкивались ученые, был язык. Именно он отнимал большую часть времени при подготовке к лекциям или написании статей. Финансовое положение и должность иммигранта в университете зависели от авторитета ученого в мировом академическом сообществе, а также от востребованности дисциплины, которой он занимался. Также для закрепления положения в обществе важны были знакомства с американцами. В этом поведенческие стратегии ученых сильно разнятся. Можно выделить два варианта: замыкание в среде русских эмигрантов (Г.В. Вернадский) и, наоборот, приобретение большого количества друзей среди американцев (А.А. Васильев).

Глава 2: Профессиональная интеграция русских историков-эмигрантов

В первом параграфе «Особенности развития исторической науки в США в начале - первой половине XX» на основании проведенного анализа нами рассматривается состояние тех областей исторической науки в США, в которых работали приехавшие русские историки. В ходе этого анализа делается вывод о том, что только антиковедение в США было более или менее сравнимо с уровнем развития этой науки в России. В то же время византистика и русистика только начинали появляться, и в этих областях работали единицы ученых. Говоря об исторической науке в целом, русские историки-эмигранты были недовольны ее уровнем развития, считая его более низким, нежели в России. Однако организация учебного процесса в университетах им нравилась больше, чем в университетах Российской империи.

Во втором параграфе «Устройство на работу в американский университет и закрепление в нем» говорится о том, что чтобы получить работу в университете, русским историкам требовались рекомендации известных ученых, одобрение кандидатуры не только руководством университета,

как это было в России, но и советом попечителей. Также на решение о приглашении во многом влияла специализация ученого, что имело прямое отношение к тому, будет ли среди студентов интерес к тем курсам, которые сможет читать ученый. Это отражалось на их популярности, популярности самого ученого и, в конечном счете, на рейтинге университета.

Для профессионального развития необходимо было активно писать научные труды, принимать участие в научных мероприятиях других университетов, читать там лекции в качестве приглашенного преподавателя и в целом наращивать связи в академическом сообществе. Русские историки-эмигранты смогли найти в себе силы остаться в профессии, бороться за улучшение своего положения в Америке, повысить уровень американской науки в своих областях и добиться признания своей деятельности на мировом уровне.

В третьем параграфе «Университетская карьера Г.В. Вернадского» была проанализирована интеграционная стратегия Г.В. Вернадского. Рассмотрение всех элементов стратегии интеграции на примере одного ученого позволило иметь более-менее целостную картину этого процесса. Кроме того, несмотря на все различия между судьбами русских историков-эмигрантов, судьба Г.В. Вернадского кажется наиболее подходящей для данного анализа. Жизнь этого ученого в США представляет собой жизнь обычного ученого-эмигранта.

В четвертом параграфе «Профессиональные достижения русских историков в США» проведено изучение основных достижений в науке русских историков, приехавших в США. Это и написание большого количества образцовых научных монографий, и издание учебников по своим дисциплинам, которые использовались в разных университетах на протяжении нескольких десятков лет, и многое другое. Приглашение русских ученых в США обогатило американскую историческую науку. Они смогли ускорить, происходившие в США процессы в данной области знания. Бла-

годаря русским историкам в США появилось византиноведение, значительно продвинулись изучение античности и русистики. Нельзя сказать, что если бы не русские историки, то этого бы не произошло, Появления русистики требовала политическая ситуация середины XX века, да и в области византиноведения было сделано немало без участия Васильева, но приезд русских историков ускорил развитие этих отраслей истории.

Глава 3: Политические взгляды и общественная деятельность русских историков-эмигрантов в США

В первом параграфе данной главы «Политические взгляды и деятельность русских историков-эмигрантов во время революций 1917 года и Гражданской войны в России» рассматриваются политические воззрения эмигрантов, которые во многом сходились в общих чертах, хотя были и значительные различия в деталях. Однако переезд в США привел к тому, что практически все они утратили связь с политикой, за исключением М.М. Карповича.

Но, при этом есть и ряд существенных различий. Так, далеко не все после отъезда смогли продолжить свою политическую деятельность. Кто-то из-за своего географического положения, кто-то из-за своих внутренних убеждений. При этом стоит отметить, что и такой ярый противник советской власти как Карпович смог активно писать политические статьи только после того, как стал редактором «Нового журнала». До этого времени у него появилось только несколько небольших заметок.

Во втором параграфе «Отношение русских историков-эмигрантов ко Второй мировой войне и деятельность в различных организациях помощи Красной армии» говорится о том, что внутренние противоречия внутри эмигрантских кругов и ненависть к советскому режиму были настолько велики, что далеко не все эмигранты соглашались участвовать в различных организациях, ставивших своей целью помощь Красной армии. Г.В. Вернадский активно участвовал в их деятельности. Другие, как, например,

М.М. Карпович категорически не хотели иметь никаких дел с организациями, которыми руководили представители левых течений.

В третьем параграфе «"Комментарии" М.М. Карповича в "Новом журнале"» анализируются статьи М.М. Карповича в «Новом журнале», в которых он выражает свои мысли относительно разницы между политическими режимами США и СССР, сравнивает внешнюю политику СССР и Российской империи, формулирует цели эмиграции в области политики и культуры.

Заключение

Всех историков, американский период жизни которых рассмотрен в нашей работе, объединяет то, что они, во-первых, получили профессиональное образование, а некоторые успели стать всемирно известными учеными, еще живя в России. Во-вторых, они стали эмигрантами по политическим мотивам. Это как будто не распространяется на А.А. Васильева, никогда против советской власти не выступавшего и жившего в СССР до 1925 года. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и здесь без политики не обошлось: мотивом его отъезда были опасения относительно возможности свободно продолжать исследования, в особенности в связи с навязыванием марксистской методологии или, по крайней мере, фразеологии. В-третьих, никто из них не планировал эмигрировать специально в США. Все они оказались в стране в силу сложившихся обстоятельств.

В силу тех же обстоятельств их бытовая и профессиональная адаптация в новой стране проходила практически одновременно и одна вряд ли могла быть успешной без другой. Это были очень разные люди, касалось ли это возраста или научной специализации и научного авторитета. Соответственно, процесс адаптации и интеграции в американскую университетскую среду проходил у каждого из них со своими особенностями. Однако можно выделить и некоторые общие черты.

Важнейшим фактором успешности адаптации была степень владения английским языком. Это было проблемой в большей или меньшей степени для большинства героев нашего исследования, за исключением М.М. Карповича. Объяснялось это тем, что английский в дореволюционной России не был самым востребованным языком, существенно уступая немецкому и французскому. Однако у русских историков-эмигрантов было и существенное конкурентное преимущество: они были специалистами в тех областях, которые были в дефиците на американском академическом рынке: антиковедении, византиноведении, русистике. К тому же их приезд в США совпал, а точнее, был обусловлен стремительным ростом уровня американских университетов. А еще точнее – целенаправленной работой, даже борьбой университетов за повышение своего уровня. Это было характерно и для 1920-х, и для 1930-х годов. Решение подобного рода проблем за счет приглашения иностранных специалистов было все больше входившей в обычай практикой американских университетов. Да и вообще, в Америке – стране эмигрантов, иностранцам адаптироваться было легче, чем во многих других странах.

Интеграция в академическую среду состояла из поступления на работу в университет, налаживания хороших отношений с коллегами и студентами. Нередко, для продвижения по карьерной лестнице требовалось доказать руководству университета свою значимость. Для этого можно было использовать разные приемы, например, сообщить руководству о заинтересованности другого университета в твоей кандидатуре, предлагающего лучшие условия.

Конечно, адаптированность не означает в нашем случае ассимилированности. Приехавшие в США в уже вполне взрослом возрасте, ученые сохраняли свою «русскость». Это выражалось в разных областях. Наиболее ярко это проявлялось в проведении культурного досуга. В случае с Г.В. Вернадским русскость проявлялась в том, что на лето он уезжал на

«дачу», где занимался «огородом». Также они читали газеты и журналы на русском языке. Были и заимствования из американского образа жизни. Например, на лето, они сдавали свой дом в аренду, довольно быстро привыкли рассчитывать чеками, а не наличными и т.д.

В науке они долгое время периодически писали статьи на русском языке для эмигрантских изданий, хотя английский язык, конечно, преобладал. Если посмотреть на круг общения, то в основном, это ученые-эмигранты из России. После революции они смогли сохранить связь со многими другими изгнанниками, а некоторые, например, А.А. Васильев и с теми, кто остался в СССР. Наиболее «интернациональным» в этом плане был М.И. Ростовцев, который активно поддерживал связи и с русскими, и с американцами, и с англичанами, у него были друзья в Финляндии, Италии, Швеции и т.д.

Переезд ученых в США привел к тому, что практически все они прекратили свою политическую деятельность, за исключением М.М. Карповича. И это еще один парадокс: самый интегрированный из русских историков в американскую университетскую среду был наиболее погруженным в русские дела, проводя время между Бостоном и Нью-Йорком, в котором издавался «Новый журнал».

Российские историки в целом успешно интегрировались в американскую академическую среду. А.А. Васильев является одним из основоположников американской византистики. М.И. Ростовцев создал блестящие труды по экономической и социально-политической истории Древнего Рима и эллинистического мира, написал большое количество других монографий и статей. М.М. Карпович стал основателем одной из самых влиятельных школ в американской русистике.

Нами также были выделены критерии успешности стратегий интеграции учёного. В науке принято выделять объективные и субъективные критерии адаптированности иммигранта к новым условиям. Объективные

критерии заключаются в реализации норм и правил жизнедеятельности в новых условиях. Это достаточно общее определение, с которым трудно работать. Нами выделена совокупность нескольких показателей, которые могут показать успешность интеграции русских историков в американское научное сообщество. Ими являются: принятие на работу на постоянной основе, научная активность, преподавательская деятельность, отношения с «коллегами по цеху», присуждение званий и избрание в члены Академий. При этом нельзя рассматривать один критерий для определения успешности, необходимо рассматривать их совокупность.

Если говорить о субъективных критериях адаптированности, то это, в первую очередь, психологическая удовлетворенность человека своей жизнью в новой стране. С этой точки зрения, в определённой мере успешными можно признать только М.М. Карповича и А.А. Васильева. Г.В. Вернадский и М.И. Ростовцев тоже были весьма уважаемыми учеными, но в их письмах постоянно встречаются жалобы на то, что они вынуждены жить в США, при этом, не принимая ряд ценностей американского общества.

Несмотря на это, по объективным критериям можно сделать вывод, что русские историки смогли довольно успешно интегрироваться в американское научное сообщество. Они были ценимы коллегами, их работы использовались в качестве учебников, они обладали различными научными званиями, входили в редколлегии известных научных журналов. В целом историю «завоевания Америки» русскими историками можно, на наш взгляд, с полным основанием считать историей успеха.

В приложение к диссертационному исследованию нами включена неопубликованная часть воспоминаний Г.В. Вернадского, об американском периоде его жизни. Воспоминания хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Они содержат сведения и о бытовой адаптации русских ученых, и о трудностях научной интеграции в связи с большой разницей в образовательных системах Российской империи и США, и об их преодолении. Этот текст впервые вводится нами в научный оборот.

Список опубликованных работ, содержащих основные научные результаты диссертации

Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Захаров, О.И. Засеивая новое дисциплинарное поле / О.И. Захаров // Диалог со временем. - 2013. - № 42. - С. 386-390. (0,25 п.л.)
2. Захаров, О.И. Стратегии интеграции русских историков - эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество / О.И. Захаров // Российская история. - 2014. - № 3. - С. 112-126. (1 п.л.)
3. Захаров О.И. «...Ибо я по американским понятиям нищий»: Российские историки-эмигранты в США: проблемы бытовой адаптации // Родина. 2015. № 1. С. 137-139 (0,5 п.л.)

Публикации в иных научных изданиях:

4. Захаров, О.И. А.А. Васильев как исследователь византийских и арабских средневековых источников // В кн.: Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII международной научной конференции. Москва, 28-30 января 2010 / Отв. ред.: М. Ф. Румянцева. - М.: РГГУ, 2010. - С. 214-216. (0,1 п.л.)
5. Захаров, О.И. Взаимоотношения церкви и государства в концепции истории Византии А.А. Васильева / О.И. Захаров // В кн.: Древность и средневековье: вопросы истории и историографии: материалы I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Омск: Издательство Омского государственного университета, 2010. - С. 61-64. (0,1 п.л.)
6. Захаров, О.И. Взаимоотношения церкви и государства в контексте внешней и внутренней политики византийских императоров в концепции "Истории Византии" А.А. Васильева / О.И. Захаров // В кн.: Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXX все-

русской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Курбатовские чтения". - СПб.: КультИнформПресс, 2011. - С. 36-39. (0,1 п.л.)

7. Захаров, О.И. Причины эмиграции А.А. Васильева из СССР по материалам архива ИИМК РАН / О.И. Захаров // В кн.: Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. - М.: Издательство Московского университета, 2011. - С. 103-105. (0,1 п.л.)

8. Захаров, О.И. Культура Византийской империи в концепции А.А. Васильева: к постановке проблемы / О.И. Захаров // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Омск: Издательство Омского государственного университета, 2012. - С. 36-38. (0,1 п.л.)

9. Захаров, О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева / О.И. Захаров // Мир историка: историографический сборник. Вып. 8. - Омск: Издательство Омского государственного университета, 2013. - С. 38-54. (0,75 п.л.)